

Говард Филлипс Лавкрафт

Кошмар в Ред-Хуке

(The Horror at Red Hook)

Нас окружает таинство зла, так же, как и таинство добра, и, по моему глубокому убеждению, мы живем в незнакомом мире – мире пустот, теней умерших и духов сумерек. Возможно, человек когда-нибудь вернется на путь эволюции, но я верю, что доктрина зла еще не умерла.

Артур Мейчен

I

Не так давно внимание прохожих в Паскоаг-Виллидж привлекла странная выходка высокого человека плотного сложения, на вид вполне здорового. Судя по всему, он спускался с горы по дороге из Чепаче, но, увидев заграждение, свернул налево, к главной улице, где несколько кварталов делового центра придают ей вполне городской вид. И вот здесь без всякой видимой причины прохожий и удивил всех своей странной выходкой. Уставившись на самое высокое здание, он вдруг разразился истерическими воплями, кинулся прочь со всех ног и, споткнувшись на перекрестке, упал. Оказавшиеся рядом люди бросились к нему на помощь, подняли, отряхнули пыль с одежды. Он был в сознании, ничего не повредил и, очевидно, уже оправился от внезапного нервного приступа. Человек смущенно пробормотал что-то о пережитом стрессе и, не поднимая глаз, свернул на дорогу, ведущую в Чепаче. Так он и скрылся, ни разу не обернувшись. Очень странно, что подобная история приключилась с вполне нормальным человеком, крепким и жизнеспособным. Очевидцы не сочли ее менее странной оттого, что один из прохожих признал в нем пансионера, поселившегося недавно на молочной ферме на окраине Чепаче.

Далее выяснилось, что странный человек – нью-йоркский полицейский детектив Томас Ф. Малоун и он находится в долгосрочном отпуске под медицинским наблюдением после чрезвычайно напряженной работы над одним расследованием, которое, к несчастью, обернулось для него драмой. Во время рейда, в котором Малоун принимал участие, обрушилось несколько старых зданий, и гибель нескольких человек, как арестованных, так и его товарищей, глубоко его потрясла. В результате один вид здания, хоть отдаленно напоминавшего те, что рухнули, вызывал у него острый аномальный ужас. В конце концов психиатры запретили ему на длительный период находиться в городе. Полицейский врач, у которого родственники жили в Чепаче, предложил сельский уголок с деревянными домами в колониальном стиле как идеальное место для психической реабилитации. Туда и отправился наш страдалец, дав обещание не ездить в более крупные деревни с кирпичными домами, не посоветовавшись прежде с врачом-специалистом из Унсокета. С ним он должен был держать постоянную связь. Сегодняшняя прогулка была ошибкой, и пациент расплатился за непослушание испугом, ушибами и унижением.

Такие вот слухи ходили в Чепаче и Паскоаге, не больше знали и самые сведущие врачи. Сначала Малоун рассказывал им свою историю во всех подробностях и, лишь убедившись, что ему никто не верит, умолк. Тогда он решил беречь свой душевный покой и вовсе не возражал, когда все сошлись на том, что обвал убогих зданий в Ред-Хуке, районе Бруклина, и, как результат, гибель многих отважных полицейских вызвали у него нервный срыв. Все вокруг считали, что он

перенапрягся, пытаясь расчистить рассадник беспорядка и насилия. По общему мнению, там творились жуткие дела, и неожиданная трагедия явилась последней соломинкой. Самое простое, всем понятное объяснение. Но Малоун был не так прост и понял, что лучше принять все как есть. Как расскажешь людям, лишенным воображения, о запредельном ужасе, недоступном человеческому пониманию? Как расскажешь о кошмарных домах, целых кварталах и городах, как проказой, как раком, пораженных злом, на беду проникшим к нам из более древних миров? Для Малоуна это закончилось бы палатой, обитой войлоком, в лечебнице для психических больных, а не мирной ссылкой в деревню на поправку. Малоун был разумный человек, хоть и мистик. Он обладал кельтским провидением таинственного и скрытого, но одновременно – сильной логикой аналитика и острым глазом, мгновенно отмечающим все внешне неубедительное. Сочетание этих качеств и завело Малоуна так далеко в сорок два года, оно забрасывало его в необычные места для выпускника Дублинского университета, появившегося на свет в георгианском особняке близ Феникс-парка.

Теперь, вспоминая увиденное и с трудом осознанное, Малоун окончательно утвердился во мнении, что лучше сохранить все в тайне, иначе бесстрашный борец превратился бы в дергающегося невротика, а старые каменные трущобы и темнокожие коварные лица – в ночной кошмар и жутковатое чудо. Не в первый раз Малоун подавил в себе желание как-то истолковать пережитое. Разве сам по себе прыжок в разноязычную бездну нью-йоркского преступного мира можно расценить иначе, как чудачество, не поддающееся разумному объяснению? Да и что мог увидеть знаток древнего колдовства и гротескных чудес, открытых пронизательному взгляду, в этом котле с ядовитым варевом, где смешалось все зло прошлых веков и вершилось гнусное насилие? Он видел адское пламя, зеленоватое и таинственное, в ужасной мешанине явной жадности и скрытого кощунства.

Малоун застенчиво улыбался, когда все знакомые ньюйоркцы насмеялись над его экспериментами в полицейской работе. Они остроумно и цинично высмеивали его фантастическую погоню за непознаваемыми тайнами и заверяли его, что в наше время в Нью-Йорке можно найти лишь китч и вульгарность. Один из знакомых предложил Малоуну пари на огромную сумму, что он не сможет, как бы ни расхваливала его «Дублин ревю», написать интересный рассказ о жизни нью-йоркского дна. Теперь Малоун задним числом понял: ирония космоса подтверждает пророческие слова, тайно опровергая их легкомыслие. В конце концов, ужас не опишешь в словах: он подобен книге, о которой немец у Э. По говорит: «Es lasst sich nicht lesen» – «Она не позволяет себя прочесть».

II

Малоун был твердо убежден, что всюду и всегда есть скрытая тайна. В юности он тонко чувствовал скрытую красоту и радость и был поэтом, но с годами бедность, горести и ссылка обратили его внимание на мрачную сторону жизни, и теперь его интриговало тайное проявление зла в мире. Повседневная жизнь превратилась для него в фантазмагорию мрачных исследований теневой стороны жизни. Он то с вожделием взирал на скрытый порок в лучших традициях Бердслея, то давал понять, что за самыми обычными формами и предметами кроется насилие и кошмар в традициях тонких и менее известных работ Густава Доре. Малоун одобрял насмешки людей высокого интеллекта над скрытыми тайнами: он полагал, что непосредственный контакт высокого интеллекта с тайнами, сохраненными старинными или современными примитивными культурами, может угрожать существованию мира, а может быть, и цельности Вселенной. Конечно, мрачность этих рассуждений налицо, но у Малоуна она уравновешивалась здравым смыслом и глубоким чувством юмора. Малоун вполне довольствовался полуразгаданной тайной, запретной для поверхностного толкования. А нервный срыв произошел у него потому, что он по долгу службы столкнулся лицом к лицу с чем-то ужасным и дьявольски коварным.

Некоторое время тому назад Малоуна командировали в полицейский участок на Батлер-стрит в Бруклине, где он обратил внимание на расследование в Ред-Хуке. Это на редкость убогое место возле старой пристани на Гавернор-Айленд с грязными дорогами, ведущими вверх от причалов к трущобам Клинтон- и Корт-стрит – там, где они сворачивают к Боро-Холлу. Дома в Ред-Хуке в основном кирпичные, построенные в начале или в середине прошлого века. Некоторые улочки и переулки сохраняют волнующий дух старины, который по традиции называют диккенсовским. Ред-Хук – своего рода Вавилон, смешение языков. Здесь живут сирийцы, испанцы, итальянцы, негры, ведущие постоянную междоусобную войну. Неподалеку – поселения скандинавов и американцев. Это поистине вавилонское столпотворение, шум и грязь, жуткие вопли, сливающиеся с плеском волн у пирсов, чудовищная органная литания портовых гудков. Давным-давно здесь наблюдалась иная картина – ясноглазые моряки у причала, добротные дома состоятельных хозяев, построенные со вкусом, особняки на горе. Остатки бывшего благополучия – архитектура зданий, редкие красивые церкви. Отдельные детали быта – следы оригинального искусства и культурного прошлого – стертые ступеньки лестницы, обшарпанная дверь подъезда, жалкая пара пилястров или фрагмент погнутого и ржавого ограждения газона. Застройка квартальная, и окна-фонари некоторых домов напоминают о прошлом, когда домочадцы капитанов и владельцев кораблей высматривали их в море.

Теперь этот источник материального и духовного гниения оскорбляет небо богохульством на сотне языков. Орды бродяг шатаются по улицам и переулкам с криками и песнями, невидимые руки внезапно гасят свет, задегивают шторы, и смуглых, с печатью порока лиц уже не видно в окнах, когда непрошеные гости начинают бродить по улицам. Полицейские отчаялись навести здесь порядок или изменить что-то к лучшему и лишь стараются оградить окружающий мир от заразы Ред-Хука. Полицейский патруль встречает призрачная тишина, и арестованные здесь преступники не дают показаний. Явные нарушения закона столь же разнообразны, как и местные диалекты, а диапазон преступлений – от контрабанды рома и нелегального проживания иностранцев, всевозможных уголовно наказуемых деяний до разбойных нападений и самых зверских убийств. Громкие преступления совершаются здесь не чаще, чем в других местах, но это не делает чести Ред-Хуку, разве что сомнительную честь искусства заметать следы. В Ред-Хук многие приходят, но немногие уходят отсюда, по крайней мере по суше, и у тех, кто держит язык за зубами, шансов уйти больше.

Малоун улавливал в таком положении вещей зловоние тайного сговора, более ужасного, чем любой грех, осуждаемый гражданами и замаливаемый священниками и филантропами. Малоун сознавал – в этом ему помогало и воображение, и научные знания, – что современные люди в условиях беззакония непостижимым образом руководствуются самыми темными варварскими инстинктами в повседневной жизни и религиозных культах. Малоун, знаток человеческой природы, зачастую с содроганием наблюдал процессии обезображенных оспой молодых людей с одурманенными глазами. Они брели по улицам в полуночной темноте, произнося нараспев какие-то заклинания и проклятия. Он постоянно видел подозрительные группы молодых людей. Они стояли в дозоре на углах улиц и искоса посматривали по сторонам, что-то наигрывали с мрачным видом в дверях домов, одурманенно дремали или ругались за столиками кафе близ Боро-Холла, а порой перешептывались возле побитых такси, стоявших у высоких крылец обшарпанных домов с плотно закрытыми ставнями. Эти ребята пугали и интриговали его больше, чем он признался бы товарищам по службе. Для Малоуна они были чудовищной нитью преемственности, затканной в какой-то дьявольский узор многовековой давности, таинственный и ничего общего не имеющий с жалкой кучкой фактов – списком притонов, примет и повадок их завсегдаев, добросовестно составленным в полиции. Эти молодые люди, по мнению Малоуна, являлись наследниками каких-то жутких первобытных обычаев, участниками унижающих человеческое достоинство культов, более древних, чем само

человечество. Сама согласованность их действий наводила на мысль о порядке, кроющемся за видимым нищенским беспорядком. Малоун не стал бы тратить время попусту на чтение трактатов типа «Култ ведьм в Западной Европе» мисс Мари. Он знал, что до сих пор у крестьян и многих других суеверных людей сохранился обычай посещать тайные собрания и страшные оргии. Этот обычай восходил к темным культам прошлого и отразился в легендах и преданиях под названием «черная магия» или «шабаш ведьм». Малоун и мысли не допускал, что дьявольские остатки старых азиатских и урало-алтайских культов плодородия полностью исчезли, и часто думал, какие пережитки этой жуткой старины, чернее и страшнее тех, о которых шепчутся люди, еще живут в наше время.

III

Малоун оказался в самой гуще событий в Ред-Хуке, когда занялся делом Роберта Сайдема. Сайдем был затворник, настоящий книжный червь, потомок старинного датского рода, некогда человек вполне состоятельный. Он жил во Флэтбуше, в просторном, плохо сохранившемся особняке, который построил его дед. В те времена это была деревня, и дома в колониальном стиле располагались вокруг увитой плющом реформистской церквушки со шпилем и нидерландского кладбища за железной оградой. Уединившись в своем особняке, стоявшем посреди старого сада, Сайдем шесть десятков лет читал и размышлял. Правда, лет тридцать тому назад он отправился на пароходе в Старый Свет и прожил там восемь лет. Слуги были для Сайдема непозволительной роскошью, а гости захаживали к нему крайне редко. Сайдем ни с кем не заводил дружеских отношений и редких посетителей принимал в одной из трех комнат первого этажа, где поддерживал порядок, – в просторной, с высоким потолком библиотеке. Вдоль ее стен располагались книжные шкафы, плотно уставленные увесистыми томами архаичного вида и весьма предосудительного содержания. Рост городка и его поглощение Бруклинским районом Нью-Йорка никак не повлияли на жизнь Сайдема, а сам он привлекал все меньше и меньше внимания окружающих. Ровесники еще узнавали его на улице, но для большинства молодых жителей он был всего-навсего толстым стариком странного вида: неопрятные седые волосы, щетинистая бородка, лоснящийся черный костюм и трость с золотым набалдашником – все это вызывало лишь насмешку.

Малоун не знал Сайдема в лицо, пока не ознакомился с его «делом», но был ранее наслышан о нем как о глубоком знатоке средневековых культов и суеверий и однажды решил, что как-нибудь на досуге обязательно пролистает уже распроданную брошюру Сайдема о каббале и легенде о докторе Фаусте, которую приятель Малоуна цитировал по памяти.

«Дело» Сайдема появилось на свет, когда его дальние и единственные родственники пытались доказать через суд, что он невменяем. Досужие языки сочли их действия неожиданными, на самом же деле они были предприняты после долгих наблюдений и горестных бесед. Родственники отмечали странные перемены в речи Сайдема и в его поведении – какие-то дикие домыслы насчет грядущих чудесных перемен, непонятное пристрастие к бруклинским трущобам. С годами Сайдем сильно обносился и теперь бродил по улицам как настоящий нищий. Иногда шокированные друзья видели его в подzemке или на скамейке у Боро-Холла, где он беседовал с какими-то темнокожими, не внушающими доверия людьми. Сайдем постоянно лепетал о какой-то неограниченной силе, которой он скоро будет наделен, или благоговейно повторял мистические термины и имена: Сефирот, Асмодей, Самюэль. Судебное расследование установило, что Сайдем тратит весь свой доход рантье и основной капитал на приобретение в Лондоне и Париже фолиантов сомнительного содержания и на жалкую квартиру в полуподвале в районе Ред-Хук. Там он проводит почти каждый вечер, принимая подозрительные компании каких-то головорезов и иностранцев. В квартире с плотно занавешенными окнами явно

совершалось культовое действо. Частные детективы, приставленные к Сайдему, сообщали о странных выкриках, монотонных распевах, обрядовых ночных плясках. Их приводил в ужас экстаз, исступление, сопровождавшие странные ночные обряды, хоть сами по себе таинственные оргии в промозгом Ред-Хуке были не в диковинку. Но на судебном заседании Сайдему удалось отстоять свою независимость. Он продемонстрировал хорошие манеры и здравый смысл: с готовностью признал странность своего поведения и некоторую экстравагантность словарного запаса. Это, по его словам, объяснялось исключительно преданностью науке. В последнее время он якобы занимался исследованием некоторых особенностей европейского фольклора. Исключительно в интересах науки ему приходилось общаться с различными группами иностранцев, изучать их песни и народные танцы. А предположения родственников, что он-де стал жертвой примитивного тайного общества, явно абсурдны и доказывают лишь одно: их представления о нем и его работе, к сожалению, крайне ограничены. Итак, Сайдем вышел из зала суда победителем, к великому неудовольствию истцов – Сайдемов, Кормеров, ван Брантов, вынужденных отозвать своих платных детективов.

Именно на этом этапе делом Сайдема занялась городская и федеральная полиция, в том числе и Малоун. Полиция и раньше с интересом наблюдала за ходом расследования и в некоторых случаях приходила на помощь частным детективам. В результате выяснилось, что новые приятели Сайдема – закоренелые преступники из темных закоулков Ред-Хука и по крайней мере треть из них неоднократно привлекалась к суду за воровство, нарушение общественного порядка и ввоз в страну нелегальных иммигрантов. Разумеется, не будет сильным преувеличением, если мы скажем, что круг знакомых старого ученого почти полностью совпадал с кругом организованных в банды преступников, завозивших в страну безвестных азиатских иммигрантов, благоразумно отвергнутых на Элли-Айленде.

В битком набитых притонах Паркер-плейс – с тех пор переименованной, – там, где у Сайдема была квартира в полуподвальном помещении, образовалась очень необычная колония людей с раскосыми глазами. Они пользовались арабским алфавитом, но большинство сирийцев, живших на Атлантик-авеню или на соседних улицах, яростно отвергали свое родство с ними. Их могли бы депортировать как нелегальных иммигрантов, но машина правосудия прокручивается крайне медленно, а Ред-Хук предпочитали оставить в покое, пока общественность не потребует вмешательства.

Эти люди посещали полуразвалившуюся готическую церквушку, расположенную в самой отвратительной части порта. По средам там устраивались танцы. Официально она считалась католической, но все священники в Бруклине отказывались признать ее освященной церковью, и полицейские, слышавшие по ночам жуткие крики, доносившиеся оттуда, были с ними вполне согласны. Малоуну казалось, что он слышал надтреснутые басовые звуки органа, запрятанного где-то в подземелье пустой и темной церкви, а некоторые очевидцы были напуганы криками и барабанным боем, сопровождавшими неведомо кем отправляемую службу. Когда Сайдема спросили в суде, что за сборища происходят в церкви, он ответил, что, по его мнению, эти люди исповедуют разновидность несторианского христианства с примесью тибетского шаманизма. Он высказал предположение, что большинство прихожан – монголоиды, родом из Курдистана и прилегающих районов. Малоун тогда же вспомнил, что в Курдистане все еще живы пережитки персидского культа поклонения дьяволу. Как бы то ни было, дело Сайдема прояснило, что нелегальные иммигранты наводнили Ред-Хук и численность их все возрастает. Их тайком перевозят моряки, минуя таможенный досмотр и портовую полицию. Иммигранты уже заселили Паркер-плейс и осваивают вышележащие улицы. Местные общины относятся к ним на удивление дружелюбно. Приземистые, широкоскулые и раскосые, смешные в кричащих американских тряпках, они активно пополняли число бездельников и гангстеров района Боро-Холл. Наконец возникла необходимость подсчитать их число, установить, какими путями

они прибывают в Нью-Йорк, чем занимаются, а потом, возможно, устроить облаву и передать их иммиграционным властям. Эту задачу и поручили Малоуну городская и федеральная полиция. Занявшись изучением Ред-Хука, Малоун почувствовал, что стоит на краю страшной бездны, а его главный враг и сатана-искуситель – обносившийся, неряшливый Роберт Сайдем.

IV

Полицейские методы расследования хитроумны и разнообразны. Малоун бродил по улицам со скужающим видом, заводил якобы случайные беседы, предлагал случайным знакомым выпить из карманной фляжки, вел рассудительные долгие беседы с перепуганными заключенными. Он собрал массу мозаичных фактов о движении, которое стало приобретать угрожающий характер. Приезжие, конечно, были курдами, но трудно было точно установить, на каком диалекте они говорили. Те из них, что зарабатывали себе на хлеб, трудились грузчиками в порту, вели незаконную торговлю вразнос, зачастую прислуживали в греческих ресторанах, продавали газеты в киосках на углу. Но большая часть не работала и явно имела связь с преступным миром. Бутлегерство и контрабанда были самыми невинными занятиями. Иммигранты прибывали на пароходах, главным образом на грузовых судах, не работающих на определенных рейсах. Безлунными темными ночами вновь прибывших тайком пересаживали на гребные шлюпки, а те проплывали под каким-то причалом в потайной канал и оказывались в тайной подземной заводи под домом. Малоуну все не удавалось выяснить, что это за причал, канал и дом, потому что в памяти у его осведомителей все перепуталось, да и речь их поставила бы в тупик самого блестящего переводчика. Не удалось Малоуну и собрать информацию о том, что заставляло их плыть в Нью-Йорк. Его собеседники свято хранили в тайне место, откуда они прибыли, и никогда не выбалтывали название агентства, которое выискивало их на родине и направляло сюда. Стоило ему поинтересоваться, зачем они приехали в Америку, и людей охватывал страх. Гангстеры из других этнических групп тоже держали язык за зубами. Малоун слышал лишь, что некий бог или великий маг обещал им неслыханную силу, славу и власть в чужой стране.

И вновь прибывшие, и старые гангстеры регулярно являлись на тщательно охраняемые ночные сборища к Сайдему. Полиция дозналась, что прежний книжный червь и затворник сдает квартиры гостям, знающим его пароль. Во владении Сайдема было три дома, и он постоянно расселял там своих подозрительных друзей. Сайдем теперь редко появлялся в своем особняке во Флэтбуше. Он приходил туда только за книгами. И в его лице, и в манерах появилось что-то отталкивающее. Малоун дважды пытался переговорить с Сайдемом, но каждый раз получал грубый отпор. Сайдем утверждал, что ничего не знает о каких-то там таинственных заговорах или движениях и понятия не имеет, как сюда попали курды и что им нужно в Нью-Йорке. Его дело – изучать неизвестный науке фольклор всех иммигрантов района Ред-Хук, а у полиции нет никаких законных оснований интересоваться его исследованиями. Малоун польстил старику восторженным отзывом о его брошюре. Сайдем смягчился, но лишь на мгновение. Он чуял вторжение и дал недвусмысленный отпор незваному гостю. Малоун ушел чрезвычайно раздраженный и обратился к другим источникам информации.

Что раскрыл бы Малоун, имей он возможность работать непрерывно, мы никогда не узнаем. А случилось так, что глупый конфликт между городскими и полицейскими властями задержал расследование на несколько месяцев. Малоун получил новое задание. Но все это время он не терял интереса к делу Сайдема и потому был очень удивлен произошедшей с ним переменой. В то время как по Нью-Йорку прокатилась волна похищения детей и бесследного исчезновения людей, с неряшливым ученым произошла метаморфоза, столь же удивительная, сколь и абсурдная. Как-то раз его увидели близ Боро-Холла свежесбрившим и аккуратно подстриженным. Более того, он был одет с безукоризненным вкусом. С тех пор с ним что ни день происходили удивительные изменения к лучшему. Сайдем продолжал демонстрировать

утонченность вкуса, в глазах у него появился непривычный блеск, в речи – живость. Постепенно он избавлялся от лишнего веса, так долго деформировавшего его фигуру. Теперь, когда его принимали за более молодого человека, чем он был, походка Сайдема стала пружинистой, а манера держаться – жизнерадостной, что соответствовало его новому облику. Любопытно, что и волосы у него потемнели, явно без вмешательства красителей.

Со временем он стал одеваться менее формально и наконец поразил знакомых и родных тем, что перестроил особняк и обновил его интерьер. Потом он устроил целую серию приемов, пригласив на них всех, кого мог припомнить, и проявил особое внимание к полностью прощенным родственникам, еще недавно желавшим объявить его недееспособным. Одни являлись на его приемы из любопытства, другие – из чувства долга, но любезность и гостеприимство бывшего затворника очаровали буквально всех. Сайдем заявил, что почти завершил свою научную работу, а недавно получил наследство от полузабытого друга из Европы и намерен провести оставшиеся годы как более яркую вторую молодость. Ее позволили вернуть материальная свобода, забота о себе и диета. Сайдема все реже видели в Ред-Хуке и все чаще – в обществе, к которому он принадлежал по рождению. Полицейские отметили, что гангстеры теперь собираются у каменной церквушки, служившей и танцевальным залом, а не в полуподвальной квартире на Паркер-плейс, хоть и в ней, и в соседних домах по-прежнему бурлила паразитическая жизнь.

Потом произошли два события, внешне совсем между собой не связанные, но представлявшие огромный интерес для дела – в том плане, в каком его рассматривал Малоун. Первое – формальное объявление в «Игл» о помолвке Роберта Сайдема с мисс Корнелией Герритсен из Бейсайда, молодой дамой с завидным положением в обществе, дальней родственницей немолодого жениха. Второе – полицейский рейд в церквушку, служившую танцевальным залом, предпринятый городской полицией после сообщения о том, что кто-то видел мельком в окне полуподвала лицо похищенного ребенка. Малоун участвовал в рейде и с большим тщанием осмотрел церковь изнутри. Никаких улик не нашли. Во время рейда церковь оказалась совершенно пустой, но тонко чувствующему кельту почему-то не понравилось внутреннее убранство. Его покоробили грубые панно – лица святых на них были подчеркнута земные, обыденные, с каким-то глумливым выражением. Живописец позволил себе вольность в изображении, которая покоробила бы любого мирянина.

Не понравилась ему и греческая надпись на стене над кафедрой проповедника. Это было древнее заклинание, которое ему когда-то попало на глаза еще в колледже в Дублине. Вот его буквальный перевод:

«О, друг и спутник в ночи, ты, радующийся лаю собак и пролитой крови, ты, бродящий среди теней на кладбище, ты, жаждущий крови и наводящий ужас на смертных, Горго, Мормо, тысячеликая Луна, воззри благопрятно на приносимые нами жертвы!»

Малоун вздрогнул, прочитав заклинание, и смутно вспомнил глухие надтреснутые звуки органа, доносившиеся, как ему казалось, из подземелья церкви по ночам. Мурашки побежали у него по коже, когда он увидел заржавевший ободок металлического таза, стоявшего на алтаре, и учуял тошнотворный сладковатый запах. Его преследовали звуки органа, и он с особым тщанием осмотрел перед уходом подвальное помещение. Малоуну было ненавистно само место, но, в конце концов, кошунственные панно и надпись – не более чем грубая мазня невежд.

Ко времени бракосочетания Сайдема похищения детей приобрели скандально широкий характер и широко освещались на страницах популярных газет. Большинство жертв были дети из бедных семей. Возрастающее число похищений вызвало подлинную общественную бурю. Пресса требовала от полиции ответных мер, и полицейский участок на Батлер-стрит снова

организовал рейд в Ред-Хук для поиска улик и поимки преступников. Малоуна обрадовала возможность продолжить расследование, и он внимательно осмотрел один из домов Сайдема на Паркер-плейс. Похищенных детей там, конечно, не обнаружили, хоть, по словам свидетелей, они слышали крики и нашли где-то возле дома красный шарфик. Тем не менее грубая роспись и надпись на стенах с отвалившейся штукатуркой и примитивная химическая лаборатория в мансарде укрепили уверенность Малоуна, что он на пути к чрезвычайно важному открытию. Роспись вызывала ужас: всевозможные чудища, неопишимо обезображенные человеческие тела. Надписи были сделаны красной краской на арабском, греческом, латыни и древнееврейском. Малоун разобрал не так уж много, но те, что прочел, имели зловещий каббалистический смысл. Одна часто повторявшаяся надпись – смешение древнееврейского и древнегреческого – представляла собой самое страшное заклинание демонов периода упадка Александрии:

«HEL. HELOYM. SOTHER. EMMANVEL. SABAOTH. AGLA. TETRAGRAMMATON. AGYROS. OTHEOS. ISHYROS. ATHANATOS. IENOVA. VA. ADONAI. SADAY. HOMOVSION MESSIAS. ESCHEREHEYE».

Круги и пентаграммы были рассеяны повсюду и свидетельствовали о диких поверьях и чаяниях тех, кто жил здесь в нищете и убожестве. В подвале, однако, обнаружили и самую диковинную вещь – слитки чистого золота, небрежно прикрытые мешковиной. На каждом слитке виднелись те же мистические знаки, что украшали стены. Во время рейда раскосые азиаты, кишмя кишевшие здесь, оказали полиции пассивное сопротивление. Полиция же, не обнаружив улики, относящихся к делу, не предприняла никаких действий, но капитан окружного полицейского управления написал Сайдему письмо, где рекомендовалось тщательнее подбирать жильцов и протезе ввиду нарастающего протеста общественности.

V

Июль ознаменовался свадьбой и великой сенсацией. В полдень Флэтбуш сиял праздничным убранством и машины с флажками заполонили все улицы возле старой немецкой церкви. Тент был протянут от дверей до шоссе. Ни одно событие местного масштаба не могло затмить бракосочетания Сайдема с мисс Герритсен ни по блеску, ни по размаху. Гости, провожавшие молодых в свадебное путешествие на пароходе, были сливками общества или, по крайней мере, весьма заметными людьми в светском обществе. В пять часов пополудни после последних прощальных взмахов пароход отчалил от пирса, медленно развернулся носовой частью к морю, отделился от буксирного судна и вышел навстречу морским стихиям и чудесам Старого Света.

Никто не помнил, что привлекло внимание раньше – крик или гудок грузового судна. Вероятно, они прозвучали одновременно. Крик донесся из каюты Сайдема. Матрос, высадивший дверь каюты, мог бы рассказать, какие страсти ему довелось увидеть, если бы тотчас не сошел с ума. Он кричал громче жертв, а потом носился по палубе, глупо хихикая, пока его не поймали и не связали. Корабельный доктор вошел в каюту минуту спустя и зажег свет. Он не сошел с ума, но никому не рассказывал об увиденном до встречи с Малоуном в Чепаче. В каюте произошло убийство – удушение, и, несомненно, к нему не был причастен ни Сайдем, ни другой человек: об этом свидетельствовали следы когтей на шее миссис Сайдем. На белой стене каюты на мгновение появились страшные красные буквы. Доктор записал их по памяти. Позднее он расшифровал надпись. Она была сделана на халдейском и означала имя Лилит. О надписи умолчать было просто: она тут же исчезла. Все остальное, касавшееся жертв, так потрясло доктора, что он вынужден был запереть каюту и привести в порядок свои мысли. Доктор сказал Малоуну, что он не видел ЭТО. Иллюминатор был открыт, и прежде чем доктор включил свет, он заметил в темном отверстии какое-то фосфоресцирующее свечение. Потом эхом в ночи отозвался глумливый дьявольский смешок, но ничего определенного доктор так и не увидел, и тому свидетельство – его сохранившийся разум.

Затем всеобщее внимание привлекло грузовое судно. С него спустили шлюпку, и вскоре группа темнокожих молодчиков в форме моряков торгового флота поднялась на борт парохода. Они требовали Сайдема – живого или мертвого. Они знали, что он отправился в свадебное путешествие, и, что удивительно, не сомневались, что он умрет. На капитанской палубе было непривычно много народу. Даже самый мудрый и уравновешенный моряк растерялся бы, услышав донесение корабельного врача и наглое требование грубиянов с грузового судна. Тогда их предводитель, араб с негроидными вывороченными губами, протянул капитану грязный, мятый листок бумаги. В записке, подписанной Робертом Сайдемом, излагалась его просьба:

«При несчастном случае или моей внезапной смерти прошу без всяких предварительных расспросов передать мое тело подателю сего и сопровождающим его лицам. Для меня и, возможно, для вас очень важно ваше немедленное согласие. Объяснения получите потом. Прошу исполнить мою волю.

Роберт Сайдем».

Капитан обернулся к доктору, и тот что-то прошептал ему на ухо. Наконец капитан кивнул в знак согласия, и все вместе отправились в каюту Сайдема. Открыв дверь каюты, доктор сделал знак капитану держаться в стороне и впустил туда моряков с чужого судна. Сам же он вздохнул свободно, лишь когда они вышли со своей ношей: доктор недоумевал, почему это заняло у них так много времени. Тело было завернуто в постельное белье, и доктор порадовался, что контуры его обозначились не очень четко. Так или иначе, моряки перетащили тело в шлюпку, а потом – на грузовое судно. Пароход взял прежний курс, а доктор и корабельный гробовщик прошли в каюту Сайдема, чтобы завершить дело. И снова доктору пришлось замалчивать известные ему факты и, следовательно, лгать, ибо он попал в пренеприятную историю. Когда гробовщик поинтересовался, зачем он спустил кровь миссис Сайдем, доктор не возразил, что и не думал этого делать, – более того, он не указал на пустую подставку для бутылок, стоявшую на полке, не обратил внимание гробовщика на сладковатый запах, исходивший от умывальника, куда в спешке сливали содержимое бутылок. Карманы этих людей – если это были люди – подозрительно оттопыривались, когда они вышли из каюты. Через два часа весь мир узнал то, что ему полагалось знать о трагедии в океане.

VI

В тот же июньский вечер Малоун, ничего не слышавший о страшном происшествии, носился как очумелый по улицам Ред-Хука. Там внезапно началась паника, будто сработала какая-то тайная система оповещения и передала сигнал тревоги. Местные жители стали сходить к церквушке и домам на Паркер-плейс. Исчезло сразу трое детей – голубоглазых норвежцев, и поползли слухи, что на улицах, где живут скандинавы, уже собирается толпа крепких викингов. Малоун уже давно убеждал коллег, что пора заняться расчисткой здешних мест. Наконец, движимые обстоятельствами, которые были для них убедительнее предположений дублинского мечтателя, полицейские сговорились провести общую облаву. Решающим фактором стало беспокойство общественности и угроза расправы. Три полицейских участка организовали совместный рейд для проведения облавы на Паркер-плейс и близлежащих улицах. Повсюду полицейские стучали в двери и арестовывали бродяг. Освещенные свечками комнаты извергли невероятное количество чужестранцев в расписных халатах, митрах и других диковинных уборах. В общей суматохе много улик пропало: их быстро кидали в печи, а запах уничтожали курением едких трав. Но кровь была разбрызгана повсюду. Малоун содрогнулся, увидев жаровню или жертвенник, с которого все еще поднимался дым.

Ему хотелось побывать сразу в нескольких местах, и, получив сообщение, что полуразрушенная церковь пуста, Малоун первым делом направился в полуподвальную квартиру Сайдема. Он надеялся найти там какой-то ключ к разгадке таинственного культа, центром и лидером которого стал ученый-эзотерик. Обыскивая сырые, пропитанные затхлым запахом комнаты, Малоун внимательно просматривал любопытные книги, инструменты, золотые слитки, валявшиеся повсюду герметически закрытые бутылки. Вдруг тощий черный кот с белыми отметинами стал путаться у него под ногами, и Малоун, споткнувшись, опрокинул мензурку, наполовину заполненную красной жидкостью. Малоун похолодел. Он и по сей день не знает наверняка, что ему привиделось, но удирающий кот внезапно чудовищно неузнаваемо преобразился. Затем ему на глаза попалась запертая дверь подвала, и он принялся искать, чем бы ее выбить. Малоун заметил неподалеку большую табуретку. Ветхая дверь не устояла от удара ее тяжелого сиденья. Она треснула, трещина стала на глазах расширяться, и вскоре вся дверь подалась, но изнутри. Оттуда хлынула масса холодного воздуха, принесшая гнилостные запахи бездонной ямы. Потом засвистел, завыл ветер, обвинил парализованного страхом детектива ледяными кольцами и со страшной силой, не земной и не небесной, увлек его вниз, в бездну. Малоун слышал вопли, взрывы глумливого хохота, таинственный шепот.

Конечно, это было видение, в этом заверили его позднее все врачи. Малоуну хотелось бы им верить, тогда кирпичные трупы и темнокожие лица не травмировали бы так душу. Но в то время это было чудовищной реальностью, и ничто не изгладит из памяти темных склепов, исполинских аркад, полупроявленных обитателей ада, шагавших гигантскими шагами с полусъеденными людьми, чьи останки молили о пощаде или заливались сумасшедшим смехом. Гниение и ладан слились в один тошнотворный запах, и окружающий мрак вибрировал от великого множества туманных полупрозрачных бесформенных сущностей с глазами. Темная маслянистая вода плескалась у ониксовых пирсов. И один лишь раз тишину нарушил дребезжащий хриплый звон колокольчиков, приветствовавший голую фосфоресцирующую сущность, приплывшую к берегу и с безумным хихиканьем забравшуюся на резной трон из золота. Она сидела там на корточках и все время озиралась по сторонам.

Из центра крошечного мрака лучами во всех направлениях расходились улицы бесконечной ночи, и невольно в голову закрадывалась мысль, что здесь прочно укоренилось мировое Зло, чье назначение – поглотить города, погубить народы смертоносным дыханием чумы. Сюда вторгся Космический Грех и прорвался, как нарыв, согретый греховным обрядом. Здесь он, скалясь, возглавил процессию смерти, которая обратила бы нас в плесневидный нарост, недостойный захоронения. Здесь, при своем вавилонском дворе, правил бал сатана. В крови непорочных младенцев омывала свои пораженные проказой ноги фосфоресцирующая Лилит. Инкубы и суккубы воем возносили хвалу Гекате, безголовые младенцы урчали в честь своей Великой Матери. Козлы скакали под звуки тонкой гнусавой флейты, ведьмы непрерывно гонялись за жирными бесформенными фавнами, прыгая по камням, похожим на раздутых жаб. Явились сюда и Молох, и Астарта. В этой квинтэссенции ада на земле границы сознания исчезали, и воспринимались всевозможные кошмары из всех обычно закрытых для него измерений, подвластных Злу. Казалось, Мир и Природа были бессильны против натиска Зла, рвущегося из раскрытых источников ночи, и ни одно знамение или молитва не могли противостоять вальпургиеву разгулу ужасов. Он начался, когда мудрец со злополучным ключом случайно столкнулся с ордой, получившей в наследство от предков запертый сундук, до отказа набитый дьявольским чернокнижием.

Внезапно луч небесного света пронзил кошмарные фантомы, и Малоун услышал плеск весел в богомерзком шабаше сущностей, осужденных на гибель. Потом появилась лодка с фонарем на носу, спешно пришвартовалась к каменному скользкому пирсу и изрыгнула нескольких темнокожих людей, несших что-то длинное, обернутое простыней. Они поднесли свою ношу к

подножию трона, на котором сидела фосфоресцирующая Лилит, и она захихикала и тронула лапой простыню. Тогда они развернули свою ношу и поставили стойком перед ней гангренозный труп толстого старика со щетинистой бородкой и нечесаными седыми космами. Фосфоресцирующая Лилит снова захихикала, и тогда темнокожие достали из карманов бутылки и намазали ей ноги красной жидкостью, а потом протянули ей полные бутылки, и она выпила их содержимое.

Вдруг из-под сводчатой галереи улицы, уходящей в бесконечность, послышался дьявольский грохот, дребезжание и свист богомерзкого органа. Он хрипел надтреснутым сардоническим басом, выблеывал гнусные мерзости ада. В мгновение ока все сущности тьмы пришли в движение, будто зарядились электричеством. Кошмарная орда двинулась церемониальным маршем на поиск источника звука – козел, сатир, ведьма, инкуб, суккуб и лемур, а за ними – воющее чудище с собачьей головой и другое, молчаливое. Шествие возглавляла отвратительная Лилит, ранее сидевшая на корточках на золотом резном троне. Теперь наглая тварь несла в руках труп толстого старика с остекленевшими глазами. Темнокожие, доставившие его сюда, шли, приплясывая, в конце процессии. Вся колонна дергалась и скакала в дионистическом исступлении. Малоун, не зная, на каком он свете, в тумане беспамятства сделал несколько неверных шагов вслед за дьявольской процессией. Потом, обернувшись, споткнулся и упал на холодные камни, дрожа и хватая ртом воздух. Дьявольский орган все хрипел и квакал, но завывание, треск и визг удалявшейся сумасшедшей процессии становились все слабее и слабее.

Малоун слышал доносящийся издали монотонный распев-заклинание и леденящие душу карканье и кваканье. Порой до него долетал протяжный вой или скулеж, сопровождавший шабаш, порой он слышал то самое заклинание, которое прочел на стене церквушки-танцзала:

«О, друг и спутник в ночи, ты, радующийся собачьему лаю (протяжный одинокий вой) и пролитой крови (непонятные звуки, перемежающиеся со страшными воплями), ты, бродящий меж теней на кладбище (свист) и наводящий ужас на смертных (короткие отрывистые крики из множества глоток), Горго (ответные крики), Мормо (крики, экстаз), тысячеликая Луна (вздохи, звуки флейты), воззри благоприятно на приносимые нами жертвы».

Когда заклинание завершилось, послышался общий крик и свист, почти заглушивший надтреснутый бас органа. Потом – смешение лая и бляения и единая мольба: «Лилит, Великая Лилит, вот твой Жених!» И снова крики, визг и гулко отдающийся топот бегущего. Он приближался, и Малоун приподнялся на локте, чтобы разглядеть бегущего.

В склепе, погруженном в темноту, немного посветлело, и в этом дьявольском свете появился тот, кому не следовало ни бежать, ни чувствовать, ни дышать, – гангренозный труп старика с остекленевшими глазами. Теперь он не нуждался в поддержке, оживленный неведомым адским колдовством завершившегося обряда. За ним, хихикая, бежала голая фосфоресцирующая Лилит, сидевшая ранее на троне, за ней, задыхаясь, еле поспевали темнокожие моряки, за ними – отвратительная адская свора. Труп обогнал своих преследователей. Напрягая каждую прогнившую мышцу, он устремился к определенной цели – резному трону из золота. Очевидно, в нем была заключена огромная, неудержимо влекущая сила черной магии. Мгновение – и бегущий достиг цели, хоть преследователи догоняли его с яростным упорством. И все же они опоздали. Он вложил оставшуюся силу в последний рывок, но сухожилия не выдержали и разом лопнули. Труп обрушился на пол, растекаясь студенистой массой. Труп с остекленевшими глазами, звавшийся при жизни Робертом Сайдемом, достиг своей цели, своего триумфа. И когда честолюбец обратился в грязную разлагающуюся массу, трон, к которому он стремился, зашатался, накренился и свергнулся со своего пьедестала из оникса в маслянистую воду. Блеснув на прощание золотом, он скрылся в бездне нижнего Тартара. Послышались раскаты грома,

кошмарное видение померкло в глазах Малоуна, и он потерял сознание. Удар грома, казалось, сокрушил всю дьявольскую преисподнюю.

VII

Видение, пережитое Малоуном будто наяву, хоть он и не знал о смерти Сайдема и происшествии на пароходе, весьма любопытно дополнили некоторые непостижимые факты дела Сайдема. Впрочем, это не означает, что мы должны принять все на веру. Три старых дома на Паркер-плейс, давно прогнившие до основания, без всякой видимой причины рухнули на полицейских, совершавших рейд, и задержанных ими обитателей Ред-Хука. Большая часть и тех и других мгновенно погибла. Шанс на спасение был лишь у находившихся в подвалах, а Малоун оказался в самом глубоком подвале дома Сайдема. Никто не отрицает, что он находился именно там. Малоун лежал без сознания возле черной, как деготь, заводи. В нескольких футах от него помещалась разлагающаяся масса плоти и костей, опознанная как тело Роберта Сайдема лишь по работе дантиста. Это внесло ясность в дело: именно в черную заводь вел подземный канал контрабандистов, и люди, забравшие его тело, привезли Сайдема домой. Темнокожих моряков не нашли, или – точнее – не идентифицировали. Корабельный доктор все еще не удовлетворен простодушной самоуверенностью полицейских.

Сайдем, очевидно, возглавлял масштабную операцию по контрабандному завозу людей в Америку. Канал, подведенный к его дому, был одним из нескольких потайных подземных каналов в округе. Туннель проложили от его дома к склепу под церквушкой-дансингом. В этот склеп можно было попасть лишь через узкий потайной проход в северной стене. В помещениях склепа обнаружили ужасающие вещи. Здесь же находился и надтреснутый орган, и арочная часовня с деревянными скамейками и алтарем очень странной формы. В стенах располагались кельи, и в семнадцати из них – страшно сказать – томились заключенные, закованные в цепи, в состоянии полного умопомрачения. Среди них – четыре матери с младенцами-уродами. Несчастные младенцы умерли вскоре после того, как их вынесли на свет, и врачи сочли это за благо. Из видевших их лишь Малоун вспомнил мрачный вопрос старого Делрио: «*An sint unquam daemones incubi et succubi, et an ex tali congressu proles nascia queat?*»

Прежде чем засыпать эти каналы, их тщательно драгировали и извлекли великое множество распиленных и разбитых костей всех размеров. Эпидемия похищения детей пошла отсюда, хоть только двоим из уцелевших арестантов смогли предъявить обвинение в похищении на законном основании. Эти люди теперь в тюрьме, потому что не удалось доказать их соучастие в убийствах. Резной золотой трон, который так часто упоминал Малоун как главный предмет культа, так и не нашли. Правда, в одном месте под домом Сайдема канал впадал в колодезь, слишком глубокий для драгирования. Его засыпали и зацементировали, когда начали строить подвалы новых домов, но Малоун часто задается вопросом: что же осталось внизу? Полиция, чрезвычайно довольная тем, что удалось уничтожить опасную банду маньяков и контрабандистов, незаконно перевозивших людей, передала федеральным властям курдов, чью вину не удалось доказать. Перед депортацией выяснилось, что они принадлежали к клану дьяволопоклонников. Грузовое судно и его команда так и остались для всех неразгаданной тайной, хоть сыщики готовы снова дать бой его контрабандным махинациям со спиртным. Малоун полагает, что сыщики демонстрируют свой ограниченный кругозор, не проявляя никакого интереса к огромному количеству невыясненных деталей, и наводящую на размышления туманность самого дела. Так же критически он настроен и к газетам: они увидели в деле Сайдема лишь мрачную сенсацию и смаковали подробности мелкого садистского культа, а могли объявить это дело вселенским кошмаром. Но Малоун смирился с тихим отдыхом в Чепаче, успокаивающим нервную систему, и молил судьбу лишь о том, чтобы время постепенно вытеснило страшные видения из настоящего в красочную, полумифическую даль прошлого.

Роберт Сайдем спит возле своей невесты на кладбище Гринвуд. Официальной церемонии погребения костей и студенистой массы не было. Родственники очень благодарны судьбе, что о деле Сайдема быстро позабыли. Связь ученого с кошмаром в Ред-Хуке не подтверждена в суде: его смерть опередила расследование, которого иначе не удалось бы избежать. О его кончине писалось не так уж много, и его родственники Сайдемы надеются, что потомки вспомнят его лишь как тихого отшельника, забавлявшегося безобидной магией и фольклором.

А что касается Ред-Хука, он все такой же. Сайдем пришел и ушел, кошмар сгустился и рассеялся, но злой дух тьмы и убожества живет среди полукровок, обитателей трущоб. Банды все еще бродят по своим темным делам под окнами, где свет и искаженные страхом лица вдруг появляются и так же неожиданно исчезают. Тысячелетний кошмар – это тысячеголовая гидра, и культы тьмы укоренились в богохульстве глубже Демокритова колодца. Душа зверя вездесуща, она торжествует: легионы обезображенных оспой молодых людей с одурманенными глазами все еще произносят нараспев свои заклинания и проклятия и воют, шагая от бездны к бездне, не ведая, откуда они идут и куда, подчиняясь слепым законам биологии, которые, вероятно, никогда не постигнут. А что касается стариков и старух, то их больше входит в Ред-Хук, чем выходит, по крайней мере по суше. Уже ходят слухи о новых подземных каналах, ведущих к центрам производства спиртного и еще кое-чего, о чем лучше умолчать.

Церквушка-дансинг теперь почти всегда только дансинг, но странные лица мелькают за ее окнами по ночам. Недавно полицейский высказал предположение, что зацементированные кельи вскрыты снова с неведомой целью. Кто мы такие, чтобы противостоять ядам более древним, чем история человечества? Тогда обезьяны исступленно плясали в Азии, выполняя непонятные нам кошмарные ритуалы. Язвы общества таятся и распространяются там, где за обшарпанными кирпичными домами кроется воровство.

А Малоун вздрагивает от страха не напрасно. На днях во дворе возле полуподвала полицейский слышал, как темнокожая раскосая карга учила ребенка какому-то распеву на местном диалекте. Полицейский очень удивился, что она снова и снова повторяла заклинание: *«О, друг и спутник в ночи, ты, радующийся собачьему лаю и пролитой крови, ты, бродящий меж теней на кладбище, ты, жаждущий крови и наводящий ужас на смертных, Горго, Мормо, тысячеликая Луна, воззри благоприятно на приносимые нами жертвы!»*

Перевод: Людмила Биндеман

2000 год